

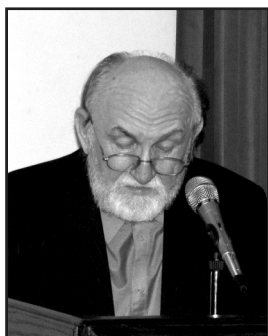

КОНФЕРЕНЦИЯ

В. Г. Пуцко (Калуга)

КАНОНИЗАЦИЯ И ИКОНОГРАФИЯ РУССКИХ СВЯТЫХ: ПРОБЛЕМА ВЗАИМОСВЯЗИ

Издавна свидетельством церковного почитания святого является особое внимание к месту его погребения, обусловленное верой в его молитвенное предстательство пред Богом. Затем, как правило, появляются сказания о чудесах, позже — песнопения и молитвы, уже как свидетельство прославления, и, наконец, иконописное изображение. Этот порядок, впрочем, мог быть и иным, когда портретное изображение оказывалось представленным изначально, в функции мемориального, еще лишенного чествования как сакральный предмет. Но все же в целом иконография святого со всеми ее специфическими формами достаточно надежно документирует популярность определенного лица в церковной среде. Ведь далеко не все святые, памяти которых внесены в Месяцеслов, имеют иконописные изображения, причем даже не на портретной основе, но в виде закрепленных традицией условных фигур, прежде всего определяющих принадлежность к одному из ликов святости.

Можно напомнить о том, что возникновение культа святых имело в раннехристианский период свои исторические особенности, с преобладанием персоналий мучеников и исповедников¹. Впрочем, это повторилось и в наше время, в условиях массовых преследований. Соответственно, проникновение портрета в христианскую практику произошло под явным воздействием античных обычаев. Становятся известными изображения апостолов, епископов, мучеников. Но почитание их образов как собственно культовых берет свое начало только со второй половины VI в.² Что касается становления и развития классической иконографии святых, то это происходит на византийской почве уже всецело в послеиконоборческий период вместе с развитием агиографии³. Ее проникновение на Русь начинается с конца X в. и получает распространение в связи с процессом христианизации.

Канонизация святых в Русской церкви со всеми ее местными отличиями тоже дает хронологический ряд развития почитания с преобладанием определенных чинов святости

¹ Delehaye H. Sanctus. Essai sur le culte des saints dans l'antiquité. Bruxelles, 1927.

² Grabar A. Le portrait en l'iconographie paléochrétienne // Revue des sciences religieuses. Strasbourg, 1962. Т. 36. № 3–4. P. 87–109; Kitzinger E. The Cult of Images in the Age before Iconoclasm // Dumbarton Oaks Papers. Washington, 1954. Vol. 8. P. 85–150.

³ The Byzantine Saint. Birmingham, 1981.

соответственно характеру той или иной эпохи⁴. Обширный перечень открывают имена князей-страстотерпцев Бориса и Глеба, а также преподобного Феодосия Печерского, оставляя при этом как бы в глубокой тени пострадавших в Киеве в 983 г. двух мучеников-варягов⁵. Как известно, в «Послании» владимирского епископа свт. Симона (1216–1228 г.) к печерскому монаху Поликарпу в качестве особой похвалы свт. Леонтию Ростовскому отмечено, что «се третий гражданин бысть Рускаго мира с онема Варягома венчася от Христа». И при этом даже не упомянуты Борис и Глеб. В ранней киевской иконографии изображения местных первоучеников не представлены. Их почитание, явно местное, по-видимому, было связано с загадочной Туровой божницей⁶. Локализовать ее Подолом можно лишь по недоразумению⁷. Поскольку название связано с именем старшего варяга — Туры, то логичнее в ней видеть маририй, находившийся на месте дома мучеников, возле Десятинной церкви, что, в частности, подтверждается описанием трагических событий 1147 г. В таком случае можно говорить о соответствии принципам сооружения раннесредневековых христианских маририев⁸.

Таким же маририем по существу являлся и храм Бориса и Глеба в Вышгороде⁹. Разумеется, это стало следствием канонизации князей, о времени которой нет единого мнения исследователей¹⁰. Тем не менее к последней трети XI в. уже известна установившаяся иконография святых Бориса и Глеба, правда, в виде реплик композиции, в которой они могли подносить Христу свои мученические венцы¹¹. Данная тема прослеживается начиная с мозаик VI в. в церкви Санти Косьма э Дамиано в Риме и в базилике епископа Евфрасия в Порече, в Истрии. К началу XIII в. сложилась позже получившая распространение в иконописи композиция со стоящими в рост князьями с крестами и мечами в руках¹². Известны также иконы конных Бориса и Глеба, имеющие своим прототипом византийские изображения святых воинов-всадников¹³. При этом портретная типология князей остается довольно устойчивой. Таким образом, вполне оригинальная иконография Бориса и Глеба в своих истоках прочно связана с более ранней христианской традицией, причем скорее укорененной на Западе, откуда, как в последнем случае, проникает в Византию в эпоху крестовых походов.

Исследователь сакрального искусства Древней Руси при изучении иконографии русских святых может опираться как на реально существующие произведения, так и на документальные свидетельства о них, если отделить среди письменных источников наиболее определенные¹⁴. Так, в Киево-Печерском патерике, в «Слове о пришествии писцев церковных къ игумену Никону

⁴ См.: Голубинский Е. История канонизации святых в Русской церкви. Сергиев Посад, 1894; Федотов Г. П. Святые Древней Руси (X–XVII ст.). 3-е изд. Париж, 1985; Канонизация святых. М., 1988.

⁵ Routsko B. Les martyrs varègues de Kiev (983) // *Analecta Bollandiana*. 1983. Т. 101. Р. 363–385.

⁶ Шахматов А. А. Как назывался первый русский святой мученик? // Известия Отд. русского языка и словесности. СПб., 1907. Т. IX. С. 261–264; Марков А. В. Как звали первых святых мучеников на Руси? // Сборник Харьковского историко-филологического общества. Вып. XVIII. 1909. С. 436–439.

⁷ См.: Реутов А. Борисоглибська церква — Турова божниця // *Ант. Київ*. 2006. № 16–18. С. 19–25.

⁸ Grabar A. *Martyrium: Recherches sur le culte des reliques et l'art chrétien antique*. Paris, 1946. Т. I: Architecture. Paris, 1943. Album.

⁹ Каргер М. К. Древний Киев. Очерки по истории материальной культуры древнерусского города. М.; Л., 1961. Т. II: Памятники киевского зодчества X–XIII в. С. 310–336.

¹⁰ Поплэ А. О времени зарождения культа Бориса и Глеба // *Russia Mediaevalis*. München, 1973. Т. I. С. 6–29; Мюллер Л. О времени канонизации святых Бориса и Глеба // *Russia Mediaevalis*. München, 1994. Т. VIII, 1. С. 5–20.

¹¹ См.: Алешковский М. Х. Глеборисовские энколпионы 1072–1150 годов // *Древнерусское искусство. Художественная культура домонгольской Руси*. М., 1972. С. 104–125.

¹² Николаева Т. В. Рязанская икона с изображением Бориса и Глеба // *Славяне и Русь*. М., 1968. С. 451–458; Государственная Третьяковская галерея. Каталог собрания. М., 1995. Т. I: Древнерусское искусство X — начала XV века. С. 99–100, 134–136. № 32, 58.

¹³ Государственная Третьяковская галерея. Каталог собрания. Т. I: Древнерусское искусство X — начала XV века. С. 97–99. № 31; Смирнова Э. С. Живопись Великого Новгорода: Середина XIII — начало XV века. М., 1976. С. 219–221, 329–331. № 20.

¹⁴ Макарий (Веретенников), архим. Русская святость в истории, иконе и словесности. Очерки русской агиологии. М., 1998. С. 73–96, 113–121; Пуцко В. Иконография русских святых: истоки и развитие // *Альфа и Омега*. 2008. № 1 (51). С. 264–284.

от Царяграда» есть эпизод, когда, говоря об уже умерших преподобных Антонии и Феодосии Печерских, «игумень изнесе пред всеми иконе ею». Речь может идти об изображениях в составе ктиторской композиции, идентичной сохранившейся иконе Богородицы Печерской-Свенской¹⁵. Это имело место, вероятно, около 1084 г. Местное почитание прп. Феодосия началось сразу после его смерти в 1074 г., перенесение мощей из пещеры в Успенскую церковь состоялось 14 августа 1091 г., вписание в Синодик в Неделю Православия — в 1108 г., а песнопения в честь святого впервые встречаются в новгородском Стихираре 1156–1163 г., память же в месяцесловах появляется лишь в XIII в.¹⁶ Изображения представлены на уже упомянутой иконе Богородицы Печерской-Свенской (около 1288 г.), на ктиторском каменном рельефе 1470 г., а в русской иконописи изображения прп. Феодосия Печерского едва ли не впервые появляются на табличках конца XV в.¹⁷ Может быть, на этом основании пока рано делать далеко идущие выводы. Но и говорить о широкой популярности явно не приходится. Сведения о почитании печерских преподобных до XVII в. носят слишком общий и неопределенный характер, скорее всего как блаженнопочивших, вплоть до местной канонизации около 1643 г. митрополитом свт. Петром Могилей, когда был составлен Канон печерским святым¹⁸. Несколько позже появляются их изображения, гравюрные, 1655–1658 г., воспроизведенные в издании Киево-Печерского патерика 1661 г.¹⁹ Остается неизвестным, были ли в распоряжении граверов более ранние образцы типа эпитафийных портретов, или известные композиции обязаны творческой фантазии мастеров. Изображенные реалии скорее предполагают последнее. Выполненное искусным мастером Илией в 1658 г. изображение свт. Никиты Новгородского в типологическом плане не имеет ничего общего с новгородской иконографией этого святителя, представленной в живописи и лицевом шитье²⁰.

Возникновение и развитие почитания свт. Леонтия Ростовского после случайного обнаружения его мощей при строительстве соборной церкви в Ростове в 1161 г. явились предметом тщательного изучения²¹. В результате выяснено, что канонизация была не столь политизированной, как предполагали прежде, тенденциозно комментируя источники. Леонтия, однако, причислили к лику святых только в 1194 г., при великом князе Всеволоде Большое Гнездо и ростовском епископе Иоанне, и только после этого начинается быстрое распространение почитания в русских землях, о чем свидетельствуют месяцесловы²². Но иконография прослеживается лишь с рубежа XIV–XV вв.²³ Не исключено, что более ранние изображения свт. Леонтия Ростовского не сохранились или же пока не обнаружены. В целом ростовская иконография местных святых представлена в основном произведениями XVI–XVII вв.²⁴

Время кончины прп. Варлаама Хутынского согласно летописям определяется 1192 г., но по проложному житию преставился он после возвращения из Царьграда Добрыни Ядрейковича,

¹⁵ Пуцко В. Печерский ктиторский портрет // Зограф. Бр. 13. Београд, 1982. С. 42–48.

¹⁶ Лосева О. В. Русские месяцесловы XI–XIV веков. М., 2001. С. 100–101, 103–104, 330.

¹⁷ Лазарев В. Н. Страницы истории новгородской живописи. Двусторонние таблички собора Св. Софии в Новгороде. М., 1983. С. 31. Табл. XIII. В деисусной композиции XVI в. из Далева, однако, изображены Антоний и Феодосий Великие (Свенцицкий И. Иконопись Галицкой Украины XV–XVI в. Львів, 1928. С. 37. Ил. 40, 42). Не исключено, что они же представлены и на сохранившихся частях подобной композиции XVI в. из Соловецкого монастыря (Сохраненные святые Соловецкого монастыря. Каталог выставки. М., 2001. С. 86–87. № 18–19).

¹⁸ Кабанець Е. П. Історія печерської канонізації та стислі відомості про печерських святих // Дива печер лаврських. Київ, 1997. С. 47–71.

¹⁹ Пуцко В. Г. До історії киево-печерської іконографії XVII ст. // Могилянські читання 2000 року. Київ, 2001. С. 233–242.

²⁰ Антонова В. И., Мнева Н. Е. Каталог древнерусской живописи (Гос. Третьяковской галереи). М., 1963. Т. II. С. 26–27. Ил. 7. № 366; Маясова Н. А. Древнерусское шитье. М., 1971. С. 29. Табл. 48.

²¹ Воронин Н. Н. «Житие Леонтия Ростовского» и византийско-русские отношения второй половины XII в. // Византийский временник. М., 1963. Т. XXIII. С. 23–46; Ленхофф Г. Канонизация и княжеская власть в Северо-Восточной Руси: культ Леонтия Ростовского // Ярославская старина. 1996. Вып. 3. С. 13–22; Мельник А. Г. Святой Леонтий Ростовский: равноапостольный или мученик? // Сообщения Ростовского музея. Ростов, 2003. Вып. XIV. С. 86–90.

²² Лосева О. В. Русские месяцесловы XI–XIV веков. С. 106–107, 346.

²³ Пуцко В. Г. Иконописные изображения св. Леонтия Ростовского: становление традиции // История и культура Ростовской земли. 1995. Ростов–Ярославль, 1996. С. 53–62.

²⁴ Мельник А. Г. Иконография ростовских святых. Каталог выставки. Ростов, 1998.

впоследствии архиепископа Антония, которому передал управление монастырем, т. е. после 1211 г. Почитание в XIV в. засвидетельствовано месяцесловами и житием в Прологах²⁵. Надо заметить, что изображения прп. Варлаама Хутынского тоже прослеживаются с XIV в., причем во второй половине XV в. даже проникают в новгородскую монастырскую сфрагистику²⁶.

Приведенные примеры, относящиеся к русским святым домонгольского периода, дают варианты хронологически различных сроков становления почитания с сопутствующим ему внесением памяти в месяцесловы и с неодинаково складывающейся иконографией. Впрочем, судить о последней порой оказывается довольно трудно, особенно при отсутствии как самих оригиналов древних изображений, так и их реплик. Приходится ограничиваться реконструкцией на основании различных источников с ее почти неизбежными условностями. При таком положении вещей главное — не выдавать предполагаемое за действительное.

Казалось бы, предпочтительно поставить развитие иконографии русских святых в зависимость от времени их канонизации. Но этому препятствует как отсутствие документированного начала церковного почитания многих из них, так и сравнительно ограниченное число известных изображений, затрудняющее широкие обобщения. Исключения являются чрезвычайно редкими, связанными с наиболее прославленными святыми, таким как прп. Сергей Радонежский²⁷.

Если ограничиться рассмотрением только одних общих тенденций развития иконографии русских святых, опуская при этом различные, притом даже существенные, детали, то получим примерную, но несколько условную схему. Иконы святых князей оказываются наиболее портретными в своей основе, но есть среди них и лишь только соответствующие традиционной типологии²⁸. Более индивидуализированы изображения преподобных, тем более что среди них есть созданные именно на основе портрета²⁹. Самыми трудными для изучения, вопреки всем ожиданиям, оказываются иконы русских святителей, хотя среди них есть очень яркие образы, с выразительной портретной типологией³⁰. Наиболее оригинальны, однако, изображения Христа ради юродивых, а также святых простолюдинов, обычно с разнообразными бытовыми деталями³¹. Вместе с тем в них, как и во всех прочих, много общего, характеризующего пути сложения национальной иконописи с ее типологическими особенностями³². Эти иконы отчасти обязаны византийскому фактору, заметно усиливающемуся в духовной культуре Москвы XVI в.³³

Общее впечатление очень количественно ограниченного почитания русских святых в период существования Византийской империи вряд ли можно объяснять одним противодействием греческой иерархии: на западно-украинских землях это положение сохранялось и позже, вплоть до

²⁵ Лосева О. В. Русские месяцесловы XI—XIV веков. С. 110—111, 195; *Ее же*. Жития русских святых в составе древнерусских Прологов XII — первой трети XV веков. М., 2009. С. 194—198.

²⁶ Пуцко В. У истоков иконографии прп. Варлаама Хутынского // София (Новгород). 2004. № 2. С. 16—18.

²⁷ Маясова Н. А. Образ преподобного Сергия Радонежского в древнерусском шитье. (К вопросу об иконографии) // Древнерусское искусство. Сергей Радонежский и художественная культура Москвы XIV—XV в. СПб., 1998. С. 40—53.

²⁸ Пуцко В. Г. Иконы русских князей: портрет и универсальная иконографическая типология // Макариевские чтения. Можайск, 2001. Вып. VIII. С. 364—386.

²⁹ Пуцко В. Г. Монастыри и развитие русской иконографии святых // Макариевские чтения. Можайск, 2000. Вып. VII. С. 122—144.

³⁰ Пуцко В. Г. Иконография русских святителей XIV—XVI в. (типологический портрет) // Макариевские чтения. Можайск, 2002. Вып. IX. С. 181—191.

³¹ Риска V. Die Darstellungen der russischen Narren um Christi willen in der Ikonenmalerei // *Hermeneia*. 1993. № 2. S. 81—94; *Его же*. Шитье покровов второй половины XVI в. с изображениями Христа ради юродивых. Доклад, прочитанный 12 октября 2007 г. в Гос. Русском музее на конференции «Актуальные проблемы изучения древнерусского и народного шитья, к 70-летию со дня рождения Л. Д. Лихачевой» (в печати); *Его же*. Русские иконы святых простолюдинов // История общественного сознания: становление и эволюция. Сборник памяти А. О. Амелкина. Воронеж, 2008. С. 78—84.

³² Пуцко В. Г. Пути сложения иконографии святых в Московской Руси // Макариевские чтения. Можайск, 2007. Вып. XIV. С. 107—123.

³³ Пуцко В. Г. Святые и святыни Московского государства XVI в.: византийское наследие и русские христианские реликвии // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2007. № 4 (30). С. 104—111.

последнего времени. Следовательно, это являлось нормой. Достаточно отметить, что на табличках Софийского собора в Новгороде, ныне датируемых 1484–1504 г., представлены лишь князья Владимир, Борис и Глеб, прп. Авраамий Ростовский, свт. Леонтий Ростовский, прп. Феодосий Печерский, свт. Петр митрополит, прп. Варлаам Хутынский, прп. Сергей Радонежский, прп. Павел Комельский, прп. Петр и Феврония Муромские³⁴. Все они к концу XV в. уже имели общецерковное почитание на Руси. Сюжетный репертуар более поздних икон русских святых значительно шире и включает как прежде известных, так и недавно прославленных, в том числе еще и местных³⁵.

В XVI в. положение существенно меняется, главным образом по причине массовых канонизаций, оформленных на соборах св. митрополита Макария 1547 и 1549 г.³⁶ Выяснение вопроса о том, насколько эти канонизации стимулировали развитие и распространение иконографии причисленных к лику святых подвижников, святителей, Христа ради юродивых, должно составить тему отдельной работы. Надо отметить, что прославление многих из этих святых было подготовлено их устоявшимся местным почитанием, и, соответственно, уже существовали жития и записи чудес. Появление иконописного образа при таких условиях было вызвано необходимостью. Можно признать, что «установление общероссийской службы почти 40 святым в эпоху митрополита Макария не вызвало революции в сюжетном содержании русской иконописи. Среди них продолжают преобладать святые, почитание которых было традиционным для этих мест в предшествующее время»³⁷. Но не все они до того времени имели иконы, а тем более шитые покровы с их изображениями, которые в иконографическом отношении большей частью можно считать эталонными, опирающимися на наиболее достоверный источник. Параллельно с этим все чаще возникают иконы северного происхождения, обязанные как новгородским, так и московским художественным традициям, представлявшие фольклоризированный вариант элитарных оригиналов³⁸.

Для развития иконографии русских святых особое значение имели их надгробные комплексы, подробно характеризующие А. Г. Мельником³⁹. Именно с ними непосредственно связаны не только иконы и шитые надгробные покровы, но и фрески⁴⁰. Особый интерес представляют надгробные житийные иконы, изучению которых в последнее время исследователи начинают уделять все больше внимания⁴¹. Здесь же надо упомянуть и надгробные скульптурные изваяния святых, в основном включенные в научный оборот⁴².

Изучение иконографии русских святых, инспирированной их канонизацией, в контексте византийской художественной традиции предполагает привлечение максимального числа

³⁴ Лазарев В. Н. Страницы истории новгородской живописи. С. 31. Ил.: С. 34, 38, 42. Табл. III, XIII, XXII.

³⁵ См.: 1000 Jahre Orthodoxe Kirche in der Rus'. 988–1988. Russische Heilige in Ikonen / Recklinghausen, 1988; Icônes russes les saints. Lausanne, 2000.

³⁶ Мусин А., диак. Соборы митрополита Макария 1547–1549 г. и проблема авторитета в культуре XVI в. // Древнерусское искусство. Русское искусство позднего средневековья: XVI век. СПб., 2003. С. 146–165.

³⁷ Там же. С. 158.

³⁸ Пуцко В. Г. Святые Русского Севера в иконографической традиции // Святые и святые северорусских земель. Каргополь, 2002. С. 239–245.

³⁹ Мельник А. Г. Гробница святого в пространстве русского храма XVI – начала XVII века // Восточнохристианские реликвии. М., 2003. С. 533–552; *Его же*. Гробницы преподобных Зосимы и Савватия Соловецких в XV–XVI в. // Соловецкое море. Историко-литературный альманах. Архангельск; М., 2005. Вып. 4. С. 49–54; *Его же*. Надгробные комплексы ростовских святых в XVII – начале XX веков: основные тенденции формирования // История и культура Ростовской земли. 2005. Ростов, 2006. С. 443–475.

⁴⁰ Мельник А. Г. Фреска над гробницей преподобных Феодора и Павла в соборе Ростовского Борисоглебского монастыря // От Средневековья к Новому времени. Сборник статей в честь О. А. Белобровой. М., 2006. С. 360–364.

⁴¹ Сорокатый В. М. Надгробная икона Прокопия Устюжского 1602 года // Русские исторические деятели в иконе. Тезисы докладов научной конференции, декабрь 1989 года. М., 1995. С. 33–37; Мельник А. Г. Надгробная икона ростовского святого Петра царевича в житии конца XVII в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2007. № 1 (21). С. 104–115.

⁴² Плешанова И. И. Резные фигуры «старцев» в собрании Государственного Русского музея // Памятники культуры. Новые открытия. 1974. М., 1975. С. 271–284; Соколова И. М. Русская деревянная скульптура XV–XVIII веков. Каталог. М., 2003. С. 80–98, 174–186. № 9, 31–34.

сохранившихся произведений, по крайней мере ключевых памятников. Без их учета невозможно судить ни об истоках образа, ни об эволюции иконографической формулы. В этом плане особые трудности представляют иконы фольклоризированного характера, дающие лишь отдаленное представление о классическом оригинале.

Проблема взаимосвязи канонизации и иконографии русских святых, таким образом, решается с учетом различных данных, без явного приоритета одной из составляющих. Многое зависело от конкретных условий, от церковного и общественного положения почитаемого лица. Ведь не каждое из них могло изначально иметь надгробное изображение, впоследствии обращенное в икону или послужившее для нее образцом.

